

Або чому, коли цензура «забракувала» назву роману О. Гончара «Подорож до Мадонни» (він назвав його потім «Твоя зоря») і розділ про голодний 33-й рік, автор змушений був з усім цим погодитися, а Ч. Айтматов, коли цензор запропонував йому вилучити з «Буранного полустанку» розділ про манкуртів, сказав: «Тоді я вилучаю весь роман». Отже, не в «лексіях» і не в «текстах» справа, а в підтекстах, у символіці, у стилях (як внутрішньому диханні твору), котрі «заховані» в них, і в «поведінці» (в широкому розумінні) автора. До речі, навіть «любов» людство по-своєму вже розгадало; назвало її «окаянною», «проклятущою» і – всім стало ясно, що це таке. А таємниця творчості (оскільки пов'язана з символотворенням підтекстів) нерозгадувана в принципі. Як непізнаними залишаються всі секрети сутності визначальних речей у світобудові. Тут я з агностиками солідарний на всі сто. І переконаний, що вся суть не в речах, а в підтексті тих речей. Отже, шукаймо термінів для прочитання художніх підтекстів і межу між літературою й паралітературою таки можна буде встановити.

1. *Інгарден Р.* Про пізнавання літературного твору // Антологія світової літературно-критичної думки ХХ ст.. – Львів, 1996. 2. *Фізер І.* Феноменологічна теорія та критика // Антологія світової літературно-критичної думки ХХ ст.. – Львів, 1996. 3. *Тодоров Ц.* Поняття літератури та інші есе. – К., 2006. 4. *Шевчук В.* Фрагменти із сувою мойр // Кур'єр Кривбасу. – 2010. - № 250-251. 5. *Літературознавча* енциклопедія. Автор-упорядник Ю. Ковалів. – К, 2007. – Т. 1. 6. Див.: *Шемшученко В.* Рукописи горять. – Літературна газета. – 2010. – 13 жовтня. 7. *Мушкетик Ю.* Останній гетьман // Київ. – 2010. – № 2. 8. *Дімаров А.* Сповідь стукача // Божа кара. – К., 2010. 9. *Вовк Віра.* Тотем скальних соколів. – Ріо-де-Жанейро – Львів, 2010. 10. *Коэльо П.* Победитель остаётся один. – М., 2010. 11. *Роговий Ю.* Зі свого колодязя // Українська літературна газета. – 2010. – 11 грудня. 12. *Стахівська Ю.* Сергій Жадан. Ворошиловград // Критика. – 2010. – № 9-10. 13. *Мельничук Б.* З погляду бондаря // Літературна Україна. – 2008. – 17 квітня. 14. *Славінська І.* Поганому письменнику жанри заважають // Дніпро. – 2010. - № 12. 15. *Декамерон.* Десять українських прозаїків останніх десяти років. – Харків, 2010. 16. *Марко Павлишин:* «Український літературний процес у трьох словах – “прийшли, бачать, ще не перемогли” // Смолоскип. – 2010. - № 3 (березень). 17. *Гундорова Т.* Симптоматика «хворого» тіла // Критика. – 2010. - №7-8. 18. *Костенко Л.* Записки українського самашедшого. – К., 2011. 19. *Кримський С.* Роздуми останніх років // Науковий світ. – 2010. – № 12.

II. Теоретичний аспект

**Нина Надъярных,
д-р філол. наук, проф.**

КЛАССИКА КАК ПАРАЛИТЕРАТУРА или ПУТЬ К ЭНТРОПИИ?

У статті йдеться про шляхи сучасних інтерпретацій літературної класики, традиції у розвитку наукових методологій та різні форми відхилень від наукового розуміння художніх текстів.

Ключові слова: літературна спадщина, класика, культурний злам, інтерпретація, парадигма перехідності, герменевтика.

Статья посвящена проблемам современной интерпретации литературной классики, традициям в развитии научных методологий и разным отклонениям в научной рецепции художественных текстов.

Ключевые слова: литературное наследие, классика, культурный излом, интерпретация, парадигма переходности, герменевтика

The article depicts modern ways of literature classics interpretation, tradition in scientific methodology development and different forms of rejection from the scientific understanding of artistic texts.

Keywords: literary inheritance, the classics, cultural fracture, interpretation, paradigm of transitionalness, hermeneutics.

На очередные чиновничьи указы об отмене в наших школах изучения литературы (в целях «освобождения учащихся от избыточных знаний») пресса России отвечает шквалом откликов. И не то, чтобы дебатировался указ, в виноватых оказывается сама классика. «А так ли уж важны знания литературы? – спрашивает, видно, не без амбиций читатель. – Беспощадное время все отдалило от нас. Проблемы Анны Карениной уже никто не понимает. Да и вообще, сколько должно быть актуальным литературное произведение и волновать умы? А потом стать объектом изучения на филфаке. Сколько таких произведений?»

При нынче модной безапелляционности тона претендующих на «продвинутых» в нём всё же проклюнулось что-то затаённо тревожное. Хорошо, подумалось, остались хотя бы вопросы.

Но, увы, вопросы-вопросами, а с ответами и вовсе, если не тупик, то удивительные до абсурда парадоксы. Когда видишь все эти претензии к наследию, заигрывания с ним, домыслы, бесплодные вокруг него споры при бездействии науки, произвол сценаристов и сценаристов, сбои учебного и не учебного потока по литературе, в чиновничьем беспределе почудится даже панацея. А и впрямь, не хватит ли мучить учащегося «Анной Карениной» и «Мертвыми душами»? Откуда у него к ним возьмётся интерес, если чуть ли не поветрием стало обращаться с классикой как кому заблагорассудится своевольно, по вкусу, искажая её смысл и запанибратски приглашая даже на «прогулку», – чем вам не паралитература?..

Есть, конечно, объективные и субъективные факторы такой тенденции. Но если и видеть во всём этом только тенденцию, которую порой относят к спорной стилистике, и за ней не видеть сути, значит рвать с глубинной духовной почвой и связью времён, мириться с деформацией мировидения, с сумятицей в устоях культуры. Бессчётно повторяемый диагноз Апполона Григорьева, ставший ходовой игрой слов «Пушкин – наше всё», оборачивается совсем не игрой. Часто это готовность приписать поэту наше всё, включая случайное, преходящее, ложное, а то и нелепое: от стремления увидеть в «Руслане и Людмиле» зашифрованное предупреждение о некоем заговоре сил мирового зла до туманных рассуждений о найденных масонских тетрадах Пушкина с находящимися там пророчествами [1,7]. Надо отдать должное пушкинистам, они из тех, кто активно противостоит злу. Когда

«посрамлённых» классиков заставляют подвинуться, мельчают, деформируясь, критерии масштабов наследия, создаётся полукультура, как сказал когда-то большой наш писатель Виктор Астафьев, а с нею – и криминальный романтизм со своим усреднённым потребителем. Лишённый опор, казавшийся до того гармоничным мир на глазах рушится, идёт к гуманитарному вырождению...

Однако почему именно так я начинаю свою тему? К тому есть немало причин, и вопрос этот – не праздный. Есть, безусловно, личный посыл, если можно назвать его таковым: слишком уж прочно впечатан в сознание синдром ликвидаторства, связанный с катастрофой корабля современности, с которого уже не раз сбрасывали классику. Остаётся и сама эта неблагоприятная, но, тем не менее, очень живучая отметина. И, наконец, главное: проблема нынешнего болезненного отношения к наследию – острая теоретическая проблема. И не только для России. Это явление комплексного порядка. Всё это вместе взятое и взывает к литературной науке, для которой культура классики всегда была доминирующей; о чём, собственно, толковал нам ещё А.И. Белецкий [2,65].

Найти какой-то общий знаменатель в отношении к наследию, по меньшей мере, трудно. Эти отношения и их научная результативность слишком неоднозначны. Существуют общие моменты литературоведения как науки и многое зависит от сосредоточенности научной мысли на поиске адекватных современности методологических подходов. Почему? Потому что наряду с откровенно застойными процессами или, точнее, процессами, тормозящими научный прогресс, ибо «застойное» как любой штамп это всего лишь риторическая уловка, отвлекающая от существа дела, – наряду с явлениями, тормозящими мысль, исследовательский успех виден там, где есть поворот к новым решениям.

Подобные нашей теперешней или в чем-то схожие с ней ситуации, когда словно рушатся самые основы, казалось бы, уже сложившегося мироустройства, случались и раньше. У нас, в некотором отдалении, а то и почти где-то «рядом» (см., к примеру, шпенглеровский «Закат Европы», 1920-1922). Резкая смена (амплитуда) мыслительных колебаний не только вплотную касалась литературы, но подчас вызывалась неустойчивостью её собственного самочувствия и острыми поколенческими градациями в восприятии наследия, сеявшими смуту и неопределённость. Особенно отличались этим периоды порубежья – рубежи столетий и их смена одним другим. Складывались обстоятельства, когда время, диктуя новации, часто в стремительном беге оборачивало свои благие намерения иными сторонами: непродуктивными поисками литературы и сбоями научной мысли о ней, конъюнктурным конформизмом, появлением теснящих истину различных мифоидеологем, социологизаторством и другими вещами, ничего общего с наукой не имеющими.

Уловить такого рода опасности, болезненно откликающиеся потом ещё длительное время, предостеречь от них и дать новый импульс научной мысли всегда было первейшей задачей литературоведения, а нередко и откровением, утверждавшим в частности великую самоценность культурных традиций. Вот

почему в размышлениях о научности предмета истории литературы *modus vivendi* классики столь необходим в литературоведении, – всегда и ныне.

Возможно, по причине «бытовой» лёгкости обращения с понятием традиции или из-за преждевременной отправки его в тот «архив мниморешённых дел», о которых писал ещё А. Герцен [3,24], с ним происходят удивительные метаморфозы. Сердцевину традиции заслоняет стереотип, смысл которого сводится к некоей магии: достаточно, мол, произнести слово «традиция» и всё тут становится ясным.

На деле вопрос значительно сложнее. Постоянно на наших глазах совершается двуединое действие, без которого войти в жизнь словесности невозможно. Новая историческая ситуация каждый раз определяет свой круг интересов к духовному опыту нации и свои поколенческие к нему запросы.

В свою очередь и сама традиция в новых условиях заявляет о себе каждый раз по-разному, высвечивая ту или иную грань, прежде малозаметную, забытую, сознательно искажавшуюся или под спудом каких-то причин бывшую недоступной. Потому оценивать классическое наследие в наше время, с началом нового века, надо с соблюдением некоторых новых условий и предпосылок, в том числе с учётом действия новых способов восприятия культуры – виртуальных и визуальных, которые испытывают сегодня книга, язык, слово и в сумме требующих новых методологических мерил. У современности по определению должны быть не умозрительные отношения с традицией, а внятные связи с сегодняшним днём. Культурная парадигма современности и традиция – проблема сложная и не преходящая; напротив, она одна из коренных в наших «перечтениях». Суть её хорошо понимают те, кто видит угрозу гуманитарным ценностям в росте нынешней глобальной искусственной культуры с её космополитическим прищуром, нивелирующим личность и не считающимся с духовными приоритетами, с уникальностью национального *цивилизационного образа*. Последний же по-особому напряжённо чувствует себя, повторяюсь, в дебрях истории при переходности эпох, – то есть в периоды ломки вроде бы сложившихся основ – общественных, политических, эстетических и т. д., – которая потом долго и зло напоминает о себе. Достаточно прочесть в мемуарах добротной исторической пробы Андрея Белого, писавшихся в 20-30-е гг., о том расколе, который разделил «отцов» и «детей» на переходах к XX веку («На рубеже двух столетий», «Начало века», «Между двух революций»). Причём, заметим, расколе в среде русских интеллектуальных интеллигентских кругов, где и наследие почитали, и этику родовых духовных связей исключительно блюли. Но – вопреки всему – победил раскол... Вплоть до оппозиционного взаимного отчуждения, отторжения «быта» (а «быт» у Белого – правда бытия). Вплоть до оспаривания корней, генезиса отечественной культуры, утери собственной генетической и онтологической памяти о потенциале поверженных кумиров для настоящего и будущего. «И порой сумма славных имен равнялась сумме неславного в них, спрессованного, законсервированного, как канон нерушимый» [4,68].

Многое испытывается душевной реанимацией, мировидческими стратегиями, обнадёживающими позывами идеалов, смиренностью перед властью истории в новом складывающемся «быте». «Сунь одних в этот быт, и человек окрасится в красный цвет холерических развиваемых интересов к быту, затрепыхается в нём, как воробей в пыли (тем хуже для него!), являя интересное, нескучное зрелище, но ... неприятное зрелище; другой человек, сунь его в этот быт, окрасится интенсивно синею скукою». И, характерно, вот что пишется, к примеру, о скуке одного из «отцов»: «не просто скуку он выявлял, а саму, так сказать, энтропию, мировое рассеяние энергии» [4,79]. Дробится, колеблется, бьётся мысль в добыче истины о критериях высшего плана – духовности культуры.

Ответственной селекцией восприятия наследия стала революция 1905-1907 гг. Первая русская революция, которая не по партийной прихоти – тогда то и партий был избыток – а по воле истории названная буржуазно-демократической, заключая в этом имени и наш извечный искус демократии, и всегдашний его спутник – парадигмальный культурный излом.

Это было действительно историческое событие, – сохраним горьковский взгляд. XX век начинался революцией по *всей* Российской империи со всеми её так называемыми официально национальными окраинами – Украиной, Белоруссией, Прибалтикой, Кавказом и др. «Смертельный удар» революционному движению тогда нанесён не был. Но созревание новых представлений, включая культурную парадигму, шло под напором такой предельности, что, не успев родиться, они несли в себе уже неуправляемую подспудность. Не поспевая за собственными корреляциями, торопя историю, они не сбавляли ни бега, ни ломки...

И всё же. Они, что называется, по собственным следам отдавали истории должное, а оставшееся, нанесённое илом времени, оказывалось просто мифом. Не тем, что сказка или «правда, облачённая в символы» (Д. Кэмпбэлл), а лукавым приспособлением факта и идеи к политическому радикализму.

Думать о какой-то *революционной* селекцией взглядов на наследие в наши дни было бы странно. Да и никакая подобного рода акция невозможна, когда на неё нет зова истории. Но, обращаясь к началу прошлого, XX века, невозможно не увидеть многих совпадений в этих исторических «параллельных рядах», если, по А. Н. Веселовскому, с началом века нашего, а в целом – когнитивной для него поучительности. Главным образом, поучительности самой *парадигмы переходности* культурных эпох и состояния в этом разломе классики.

Обнаруживается при этом и некая существенная эпистемологическая отправная точка в сопоставлении начал столетий. Она в возможностях возникающей между ними параллели. Выстраивающейся не по зыбкой «прямой»: так было тогда и есть теперь, – а по внутренне связующим и разрывающим их нитям, а иначе – по той амплитуде цивилизационных колебаний от прошлого к будущему, которая вообще свойственна временной переходности. Именно она, эта точка, возникает как *знак* предостережения или опасности для самого алгоритма духовного состояния общества, поскольку

фиксирует (обнаруживает) сбои в самой системе алгоритмических операций и правил в достижении цели. Что движет всеми этими драматическими перипетиями – ход истории или что-то ещё, вроде закономерностей циклической смены времён – «естественных», а не «социальных», следуя Г. Шпету, – зависящих даже, как говорят, от количества людей на планете, – вопрос сложный и, кажется, не для толкований, есть ведь такие явления...

Что же касается методологического обновления литературоведения или скажем так: его современной активизации, то предмет этот – для специального разбора. Я же ограничусь на сей счёт лишь некоторыми отдельными соображениями.

Мне близка мысль Д. Чижевского о текучести, протяжённости, процессуальности литературной истории с её концами и началами. В основах своих это школа филологическая, во главу угла ставящая изучение и интерпретацию текста, его истории, редакций, канона; хотя здесь видно влияние и других школ. К примеру, историко-биографической (родоначальник Ш. О. Сент-Бёв); во всяком случае, Чижевский не равнодушен к генезису литературного произведения, писательскому эйдосу, хотя преимущества при этом отдаёт феноменологическому критерию. Влияние культурно-исторической школы (И. Тэн, А. Веселовский, А. Пыпин) выразилось в концепте Чижевского идентичности художественного мышления состоянию духа соответствующей эпохи, а выходы к психологической школе привели его к Гумбольдту и Штейнталу. Наконец, заметно активное влияние феноменологии, структурализма, герменевтики, в которые и его собственная мысль вносит заметный вклад.

Никакой эклектики здесь нет. Есть методологический плюрализм и взыскательная избирательность методик, достаточно сравнить отношение Чижевского к Веселовскому, с одной стороны, и к Потебне – с другой [5,54]. Для нас же в данном случае актуально то, что его теория укоренена в *научной традиции* и на ней основывается.

В связи с моими попытками как-то разрядить скопившуюся череду проблем современного познания наследия, а с ним и динамику культурных эпох актуальным представляется позиция Патрика Серио, видного швейцарского русиста, непосредственно связанная с научностью филологии. Согласно его взгляду, мы чувствуем, как под влиянием парадигмальных модификаций в литературных контекстах начал XX и XXI в.в. происходят резкие изменения в интегральных и в дифференциальных процессах. Специфично, но и закономерно появление новых качеств. Они при всей национальной особенности не возникают в словесности вдруг, из «ниоткуда», а вызревают исподволь, одновременно включая и прошлый опыт, и впитывая современные веяния. Чутко уловивший противоречивую природу парадигмального феномена в социальных и гуманитарных науках Серио раздумывает: «... Если подход, подчёркивающий непрерывность и накопление, мешает нам заметить эпистемологические разрывы, то противоположный подход, подчёркивающий перевороты, необратимые разрывы между

несоизмеримыми эпистемами, мешает нам увидеть те силовые линии старой парадигмы, которые подспудно прочерчивают и новую, услышать отголоски прошлого – глухие, но настойчивые... К. Кернер признаёт существование «подземных течений» внутри главного потока (main stream). Однако нужен и следующий шаг: признание того, что все эти наползания, взаимопроникновения, переистолкования, сдвиги, возобновления, недоразумения и перебои не есть неудачи, характерные для «мягких» (социальных и гуманитарных) наук, навсегда обречённых отстать от идеала «твёрдых» наук. Скорее все эти явления истории науки говорят о напряжённом противоречии между прерывным и непрерывным в эволюции: они объясняют как медленное вызревание, так и быстрые перевороты, которые, впрочем, лишь изредка целиком сметаю «главный поток» идей прошлого» [6,34]. С пониманием именно такой сложной исторической динамики науки о литературе строили свои лучшие историографические структуры в частности украинисты: И. Франко, С. Ефремов, М. Грушевский, Н. Зеров и другие. Большинство из этих подходов были насколько индивидуальны по методике и авторскому «я», настолько и универсальны. Универсальны в главном: в видении научности истории литературы. И, что важно, даже на первых уже порах – а «история литературы – наука достаточно молодая» (И. Франко) – лучшие историографические образцы объединяются между собой герменевтически, то есть *пониманием* генетической историко-культурной целостности национального литературного процесса, – от его истоков, а порой даже от самых первых и робких проявлений литературности до современности.

Намечая контур «исторически параллельных рядов» (напоминаю о Веселовском) начальных этапов XX и XXI вв., я выразила мысль о когнитивной поучительности для наших дней *парадигмы переходности* начала прошлого века. И характерный для смены столетий парадигмальный излом, и создаваемая им духовная конфликтность, в которой приходится существовать культуре классики, действительно наличествуют у нас сегодня и действительно многое объясняют. Однако начавшаяся культурная эпоха XXI столетия в значительной мере отличается от своего предыдущего «параллельного ряда». По многим параметрам. Мы живём теперь не только в новой исторической ситуации, но и в новом государственном и общественном устройении, которые во многом определяют специфику и политику культурного развития.

Последствия денационализации, атрофии национальной и культурной памяти, угасание национальных языков сегодня дают о себе знать с новой силой в том числе и в отношении к культурному наследию. Потому, а также по ряду других причин, кроме литературоведческих критериев в подходе к литературе с её традиционными накоплениями требуется также участие смежных научных дисциплин – истории, этнографии, социологии, философии, культурологии, искусствоведения, фольклористики, лингвистики.

Это принципиальный момент в познании соотношений литературы и истории, литературы и общественной мысли, литературы и фольклора; и далее: при оценке возрожденческих процессов, при определении новых параметров

современного литературного эйдоса, при продолжающемся восполнении «белых пятен», – значение литературного зарубежья прежде всего. Следовательно, совершенно естественно в смысловой перезагрузке методологических подходов ныне на передний план выступает фактор понимания. Понимания как герменевтического принципа познания объекта и его интерпретаций. Того *понимания*, о котором говорил Х.-Г. Гадамер, утверждая, что «понимание выше и шире метода, поскольку метод есть функция понимания, а не наоборот» [7,45-46], а П. Рикёр отправлял нас к самому значению слова герменевтика, которое восходит ещё к Аристотелю, к его труду «Об истолковании» и у которого «*hermeneia* относится» ... ко всему значащему дискурсу. Более того, как раз значащий дискурс и есть *hermenkia*. Именно он «интерпретирует» реальность даже тогда, когда в ней сообщается «кое-что о чём-то». При таком подходе преодолевается «отдалённость между прошлым и настоящим; всякая интерпретация, – по словам Рикёра, – имеет целью преодолеть расстояние, дистанцию между минувшей культурной эпохой, которой принадлежит текст, и самим интерпретатором. Преодолевая это расстояние, становясь современником текста, интерпретатор может присвоить себе смысл: из чужого он хочет сделать его своим, собственным; расширение самопонимания он намеревается достичь через понимание другого» [8,25]. И ещё: «Наследие не есть запечатанный пакет, который, не открывая, передают из рук в руки, но сокровище, откуда можно черпать пригоршнями и которое пополняется в самом этом процессе» [8,38].

Литературная классика не только интегрирует духовную культуру, создавая свою – художественную – целостность бытия, но и сохраняет её от стагнации, энтропии, от идеологического перепроизводства, от того антропологического и эстетического кризиса, с которым мы столкнулись сейчас и который на наших глазах разрастается и нагнет. Поэтому крайне важны в методологической перестройке науки о литературе «просветительские» идеи, просвещенская, если можно так сказать, и научная практика, и теория по отношению к наследию, – понимание таких доминант уже действует. Назову хотя бы капитальнейшую «Программу нового гуманитарного образования» – «Культурная антропология в системе наук» Вяч. Вс. Иванова[9]. Её мало назвать межотраслевой. Роль культурной антропологии в системе наук создаёт масштабный концептуальный сгусток неадекватности культурного (литературного) наследия.

Литературная классика – понятие родовое, сущностный аксиологический предикат определённой – духовной – сферы. И как раз через это *родовое* (родовитость, неадекватность, уникальность, неискоренимость) проступают и навечно закрепляются бытийственные, или, лучше сказать, онтологические универсалии данной сферы и, соответственно, их гуманитарное понимание.

Из числа таких универсалий (констант) мне представляется актуальным позиционирование в нашем духовном пространстве диалогических функций *текста* культуры классики. Это вроде бы тот же «вход» в межлитературные отношения литератур, в дюрининовскую межкультурность, сыгравшую в своё

время свою роль и до сих пор имеющую место быть. И всё же это не совсем то: роль ведущей дефиниции – *текста* культуры классики заставляет мыслить не «меж», а изнутри, входя в диалог. «Текст по природе диалогичен», – пишет наш современник и соотечественник известный философ И. Т. Касавин. Из множества существующих концепций текста он останавливается на бахтинской, согласно которой «текст – объект гуманитарного познания». Это даёт ему право выйти на актуальную и вместе с тем универсальную идею гуманитарной коммуникативной природы познания, развитой многими влиятельными течениями современной философии (Х.-Г. Гадамер, М. Хайдеггер, Ю. Хабермас, Л. Витгенштейн и др.). «Роль и смысл этой идеи не только в её неисчерпанности, но в исключительной перспективности», – подчёркивает Касавин, показывая гуманитарную *диалогическую открытость* текста как исторического феномена от глубокой древности до сегодняшних дней, включая компьютерные воплощения [10,105].

Я солидарна с этим взглядом или своеобразным уроком соединения мыслительных начал XX и XXI вв. К чему в нём приникнуть другим желающим и чем в нём утолиться, – это уж как кому повезёт. Сама же идея действительно жива и перспективна.

1. *Скатов Н.* Наш Пушкин. Литературная газета. – 2004. – 9 – 15 июня. 2. *Білецький О.* Зібрання праць: У 5 тт. – К., 1965. – Т.5. 3. *Герцен А.* Собрание сочинений: В 30 тт. – М., 1956. – Т. 3. 4. *Белый А.* На рубеже двух столетий. – М., 1989. 5. См.: *Дзюба І.* Олександр Білецький і проблема літературознавчого синтезу // Слово і час. – 1997. – № 1.4. 6. *Серіо П.* Структура и целостность. Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920-30-е гг. – М., 2001. 7. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. Основы философской герменевтики. – М., 1988. 8. *Рикёр П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. – М., 1988. 9. *Иванов Вяч.* Культурная антропология в системе наук (Программа нового гуманитарного образования) // Иванов Вяч. Избранные труды по семиотике и истории культуры. – М., 2007. – Т. IV. 10. *Касавин И.* Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию. – М., 2008.

**Ярослав Поліщук,
д-р філол. наук, проф.**

ЛИТЕРАТУРА: СТРУКТУРА, ФУНКЦІЯ, ПРОЦЕС? або Про наслідки Аристотелевої двозначності

Предметом дослідження є теоретична дефініція літератури, межі літературної творчості. Автор розглядає структуральний та функціональний аспекти, аналізує критерії „правди” та краси, які традиційно застосовують щодо мистецтва слова. Він концентрує увагу на провідних дискусійних моментах дефініції літератури. У статті обговорюються погляди багатьох теоретиків XX ст., як-от Р.Інгарден, В.Беньямін, Ц.Тодоров, Д.Еттридж тощо.

Ключові слова: література, мистецтво, естетика, дефініція, смисл, структура, значення, літературний твір.

Предметом данного исследования является теоретическое определение литературы и границ литературного творчества. Автор рассматривает структуралистский и функциональный аспекты, анализирует критерии „правды” и прекрасного, которые